

Годжо Хара не собирался тратить время на пустые проверки. Едва завидев врага, он вскинул руку и обрушил на него всю сокрушительную мощь Максимального выхода проклятой техники: Фиолетового — нужно было покончить с проклятым духом без лишних проволок.

Чем дольше затягивался бой, тем сильнее становился противник, беспрестанно подпитываясь людским страхом. А теперь, когда существование проклятых духов раскрыли всему миру, человечество ежесекундно содрогалось от ужаса перед смертью и неведомыми чудовищами. Тварь крепла на глазах. Медлить было нельзя.

Разрушительный потенциал Максимального выхода проклятой техники: Фиолетового в исполнении Хары был поистине колоссальным. В прибрежной зоне огромный массив воды попросту стерло из бытия, обнажив темную пучину. Водные массы на границе удара еще долго не могли хлынуть обратно, образовав посреди моря глубокую сухую котловину.

Но Гован — проклятый дух стихийного бедствия особого ранга — встретил этот сокрушительный удар невредимым. Его фигура лишь на миг подернулась дымкой, обратившись бесплотным призраком, и колоссальная атака прошла насквозь, не причинив ему ни малейшего вреда.

Внезапный выплеск колоссальной проклятой энергии Хары мгновенно привлек внимание Сатору, рыскавшего в поисках твари совсем в другом месте. Поняв, что старший брат опередил его, Сатору мгновенно сориентировался по источнику вспышки и применил телепортацию.

Материализовавшись рядом с братом, Сатору ошеломленно уставился на Гована, который стоял в самом эпицентре недавнего удара без единой царапины.

— Серьезно? — удивленно присвистнул он. — Даже Максимальный выход проклятой техники: Фиолетовый его не берет?

Для обладателей Шести глаз Максимальный выход проклятой техники: Фиолетовый был неоспоримым козырем. И пусть для них самих ее запуск мало чем отличался от простого щелчка пальцев, в мире почти не существовало противников, способных пережить подобный удар.

Сатору почувствовал, как в груди закипает азарт. До этого дня лишь Король проклятий Рёмэн Сукуна мог выдержать прямое попадание Максимального выхода проклятой техники: Фиолетового. И вот перед ними предстала еще одна тварь.

Хара, который и наносил удар, понимал суть происходящего куда лучше брата.

— Дело не в том, что он сильнее Максимального выхода проклятой техники: Фиолетового, — ровным голосом отозвался он. — Он сейчас в особом состоянии. Любые атаки просто проходят насквозь.

Хара не сводил с Гована взгляда. Его лазурные глаза, напоминавшие сияющие осколки небесного свода, работали на пределе возможностей. Огромный поток информации, проходящий сквозь Шесть глаз, перегружал разум, вынуждая Хару непрерывно задействовать обратную проклятую технику, чтобы остужать и восстанавливать перегревающиеся клетки мозга.

Сатору прекрасно понимал, что сейчас происходит с его братом, и это лишь подливало масла в огонь его изумления. Он еще никогда не видел, чтобы Хара изучал противника с такой запредельной концентрацией.

Обычно старший брат не носил повязку, но лишь потому, что научился сознательно приглушать восприятие Шести глаз, отсекая лишний информационный шум. Пассивный сбор данных и целенаправленный анализ на пределе возможностей — разница между ними была колоссальной.

— Проклятая техника этой падали завязана на смерти, штука мудреная, — подал голос Сатору.
— Но к неуязвимости она отношения не имеет. Брат, что еще за особое состояние?

Хара не отводил взгляда от Гована, в упор рассматривая непрерывно вибрирующие нити мировых правил, опутывавшие чудовище.

— Он эволюционирует, — негромко произнес Хара. — Не знаю, какую схему провернул Кэндзяку, но этот дух, рожденный из страха перед смертью, сумел поглотить еще и страх человечества перед проклятиями. Теперь он — живое воплощение ужаса сотен миллионов людей перед гибелью и неведомыми монстрами. Раскрытие правды о магии сыграло ему на руку: люди ежедневно подпитывают его колоссальным объемом негативных эмоций. Он так долго не вылуплялся из проклятого чрева именно потому, что перестраивал свою суть. Мое появление вынудило его пробудиться раньше времени, но процесс эволюции не остановился. Более того, его невозможно прервать — отсюда и эта абсолютная защита.

«Неужели дело в балансе?»

В этот момент Хара как никогда глубоко осознал истинную суть так называемого баланса сил в мире магии.

После того как они с Сатору уничтожили Короля проклятий Рёмэна Сукуну, на стороне магов образовался колоссальный перевес. Сильнейшие маги современности теперь могли просто катком пройти по оставшимся силам зла.

Соответственно, законы мира должны были как-то компенсировать эту разницу, взвинтив мощь противоположной стороны.

Сперва по всей стране резко подскочило число рядовых проклятий, хотя после разрушения барьера Тэнгэна этот показатель снова пополз вниз. Затем пришел черед качественного

усиления верхушки проклятого мира. Но из восьми великих стихийных бедствий особого ранга осталось всего ничего. Махито уже подчинен техникой Гэто Сугуру, что навсегда заблокировало его лимит развития.

И тогда чаша весов выбрала Гована, все еще зревшего в глубинах проклятого чрева.

Конечно, оставался еще Кэлин, но тот был чистым саппортом. К тому же маги до сих пор не могли выйти на его след — похоже, мир тоже подкинул ему сил, но боевого потенциала это не меняло. Гован же изначально создавался как абсолютное оружие. Его природа и сама проклятая техника сулили невероятную разрушительную мощь.

Вдобавок Кэндзяку умудрился скормить ему страх людей перед проклятиями как таковыми. Впрочем, возможно, Кэндзяку тут ни при чем — скорее уж законы мироздания подстроили все так, чтобы взрастить идеального монстра для равновесия сил. В итоге, даже будучи обнаруженным сильнейшими магами современности, этот дух продолжал преспокойно развиваться, получив временную неуязвимость.

Поверить в то, что здесь обошлось без вмешательства пресловутого баланса, Хара просто не мог.

Хара поднял голову и взглянул на небо. Сквозь призму работающих на максимуме Шести глаз весь мир представал переплетением бесчисленных нитей — правил и ограничений. Даже небесный свод казался исполинским запутанным клубком пряжи.

Хара ненадолго зажмурился, давая глазам передышку, после чего повернулся к брату.

— Эволюцию нужно остановить любым способом, — негромко произнес он. — Если он продолжит впитывать негативные эмоции со всей страны, то разрастется до немыслимых масштабов. И даже если мы в итоге его уничтожим, сопутствующие жертвы окажутся непомерными.

Тогда все их труды по формированию общественного мнения пойдут прахом. Если битва унесет слишком много жизней обывателей, то после победы выжившие, ослепленные горем, наверняка начнут винить во всем магов.

Хара понимал: он просто не сможет спокойно смотреть, как толпа спасенных ими обычных людей начнет травить его брата в сети. А если он сорвется и сотворит нечто непоправимое, это лишь поставит Сатору в тупик.

Значит, нужно удержать ситуацию в узде и задушить угрозу в зародыше.

Его младший брат заслуживал быть лишь сияющим спасителем, пред которым благоговейно преклоняются.

Сатору сразу уловил подтекст в словах Хары.

— Давай я начну, — коротко бросил он.

Положив руку на плечо брата, Сатору свободной ладонью сформировал ритуальный жест.

— Расширение территории...

«Необъятная пустота!»

Обновленная, открытая версия его территории мгновенно сковала Гована мертвой хваткой. Разум чудовища полностью парализовало колоссальным потоком информации, однако это никак не помешало бурлящим потокам чужого страха стекаться к нему со всей страны.

Сатору нахмурился и обрушил на неподвижного врага серию ударов прямо внутри территории. Тщетно. Несмотря на то, что парализованный Гован не мог уклониться, физический урон проходил сквозь него, словно чудовище находилось в иной плоскости бытия. При этом ментальный удар «Необъятной пустоты» действовал на него исправно.

Сатору раздраженно цыкнул.

— Пожалуй, в этот раз закрытая территория подошла бы лучше, — заметил он.

Прочные внешние границы барьера могли бы отсечь приток негативной энергии извне. Лишившись подпитки, Гован прекратил бы эволюционировать, а значит, лишился бы и своей абсолютной защиты.

Сатору развеял территорию. Он уже собирался выжечь проклятой силой собственный мозг, чтобы тут же восстановить его Обратной проклятой техникой и обойти выгорание проклятой техники, но Хара остановил его, положив руку на плечо:

— Давай теперь я попробую.

Сатору с облегчением отказался от идеи калечить себя. Заниматься подобным самовредительством без крайней нужды ему совсем не хотелось — разрушать собственный мозг было чертовски больно.

Хара лишь вскинул ладонь — ему не потребовалось произносить ни единого слова, чтобы высвободить технику.

Сатору заворуженно наблюдал, как трехмерное пространство перед ними стремительно

схлопывается в плоский двухмерный рисунок. И хотя он видел этот прием не впервые, уникальная территория старшего брата каждый раз заставляла его затаить дыхание.

Любая классическая территория, будь она закрытой или открытой, всегда привязана к своему создателю, который выступает центром барьера и находится внутри него.

Открытый тип — это сделка с правилами мира: маг отказывается от барьера, удерживающего врагов внутри, получая взамен колоссальную площадь поражения. Подобный маневр опирается на строгий обет, и у каждого варианта есть свои плюсы и минусы.

Во время битвы Сатору с Сукуной его закрытая территория уступила открытой территории Короля проклятий лишь потому, что Сукуна находился на том же запредельном уровне силы. Колоссальный радиус его техники поглотил барьер Сатору, позволив атаковать сферу извне. А ведь стенки закрытой территории, практически непробиваемые изнутри, с внешней стороны ломались на удивление легко.

Сражайся Сатору с кем-то попроще, противника не спасла бы даже открытая территория: площадь его территории попросту не смогла бы превзойти масштабы закрытой территории Сатору. Более того, слабая чужая техника была бы мгновенно раздавлена мощью «Необъятной пустоты» еще на стадии формирования. Оба этих метода стояли на одной ступени силы, отличаясь лишь формой.

Но техника Хары ломала все привычные рамки. Он мог находиться вне собственной территории, свободно меняя ее границы одним лишь усилием воли, а при постоянной подпитке проклятой энергией — сколь угодно долго удерживать сжатый до размеров свитка барьер.

Несчастные, угодившие в его двухмерный капкан, даже не осознавали, что лишились целого измерения. Словно бумажные фигурки на страницах манги, они продолжали двигаться, не подозревая, что за каждым их шагом из нашего, трехмерного мира наблюдает холодный взгляд кукловода.

Сатору стоял рядом с братом, глядя, как бушующее в радиусе пятисот метров море превращается в застывший плоский эскиз. На миг ему показалось, что Хара при желании способен запереть весь мир на страницах гигантской книги.

Сатору тряхнул головой, отгоняя наваждение, и повернулся к брату. Лицо Хары оставалось напряженным.

— Брат, неужели даже твоя территория бессильна против него?

— Дело в правилах мироздания, — мрачно отозвался Хара. — Он защищен их силой, а расширение территории не способно заблокировать законы вселенной. Чтобы уничтожить его прямо сейчас, мне придется силой ломать эти рамки.

Самым могущественным оружием в этом мире были не хитрые техники, а фундаментальные законы вселенной.

Чаще всего маги соприкасались с ними через систему обетов. Обеты с другими людьми, клятвы самому себе, сделки с небесами — все они подкреплялись незыблемостью мировых правил. Нарушить обет означало бросить вызов самой реальности, за чем неизбежно следовала суровая кара небес.

С тринадцати лет, когда Хара впервые овладел расширением территории, он научился видеть эти невидимые обычному глазу нити законов и принялся кропотливо изучать их.

Но даже сейчас, спустя годы исследований, сделавших его самым сведущим человеком в этой области, он не смел заявить, что полностью постиг законы реальности или способен подчинить их своей воле.

Безусловно, Хара мог бы силой перерубить опутывавшие Гована нити и стереть чудовище с лица земли, однако цена ответного удара вселенной оставалась неизвестной. Стоило ли так рисковать?

Жалкая тварь не заслуживала подобных жертв. К тому же промедление ничем не угрожало Сатору. Самым разумным было дождаться, пока эволюция завершится, а затем уничтожить монстра привычными методами.

Что же касается прежних опасений о сопутствующих разрушениях и возможной травле в сети...

Эту проблему тоже можно было легко решить. Достаточно позволить Говану немного побушевать, посеяв хаос и увеличив число жертв. Тогда выжившие сами взмолятся о помощи. И когда они с Сатору явятся на зов, любые разрушения спишут на неизбежную цену победы. Ни у кого и язык не повернется обвинить братьев.

Хара безучастно прокручивал в голове этот циничный сценарий, прикидывая, какими словами лучше убедить Сатору.

В конце концов, жизни безликой толпы незнакомцев не стоили того, чтобы ставить под удар репутацию его любимого младшего брата.

Сатору не догадывался, какие мрачные замыслы роятся в голове брата. Он и сам отчасти понимал суть законов мира — Хара никогда ничего не скрывал от него. Пусть передать словами интуитивное понимание правил было невозможно, Сатору прекрасно знал об их существовании.

Поэтому он сразу же твердо произнес:

— Тогда не стоит рисковать. Бороться с законами вселенной куда хуже, чем с обычным проклятым духом. Уж с проклятием мы как-нибудь разберемся.

Даже сильнейшие маги современности не осмеливались нарушать собственные обеты, ведь смертным не под силу тягаться с абсолютными законами бытия. Сатору предпочел бы дожидаться окончания эволюции Гована, какими бы силами тот ни овладел, но не позволил бы Харе рисковать собой ради борьбы с мирозданием.

Хара согласно кивнул. Он оставил территорию активной, и братьям оставалось только ждать, зорко следя за эволюционирующим монстром.

Как только Гован завершит трансформацию, он окажется заперт в Двумерном мире Хары. Это позволит нанести по нему сокрушительный удар в ту же секунду — если не убьет на месте, то гарантированно покалечит.

Братьям хватило одного взгляда, чтобы понять намерения друг друга. Сатору молча остался рядом, готовый ждать развязки.

Глобальная трансляция Кэлина обходила это место стороной. Ведь Гован все это время выступал в роли боксерской груши. Пусть ранить его и не могли, демонстрация столь одностороннего избиения быстро лишила бы людей страха, что шло вразрез с планами Кэндзяку.

Поэтому на экранах крутились сфабрикованные кадры: зрителям показывали, как Гован, все еще находясь в проклятом чреве, непрерывно высасывает жизненные соки из всего живого. Это поддерживало панику среди населения, заставляя людей безостановочно генерировать тонны негативных эмоций.

И как бы Мир магов и правительство ни пытались успокоить толпу, призывая людей сдерживать эмоции, паника нарастала лавиной. Страх сотен миллионов людей под действием законов вселенной продолжал стекаться к Говану, подталкивая его эволюцию все дальше.

Хара пробовал заблокировать этот приток с помощью своей территории. Это было возможно, но опять же требовало прямого столкновения с мировыми правилами и грозило тяжелой отдачей. Сочтя цену непомерной, он отказался от этой идеи.

В глубоком подземном убежище Кэндзяку внимательно наблюдал за ходом эволюции чудовища через голографический экран, проецируемый Кэлином.

В конце концов, этот дух оставался его последней надеждой.

Раз уж барьер Тэнгэна рухнул, сделав невозможным слияние человечества со старейшим магом и возрождение золотого века магии, создание абсолютного монстра из всеобщего страха

казалось отличной альтернативой.

Если этот дух сумеет прикончить двух вставших на пути обладателей Шести глаз, у его тысячелетнего плана появится хотя бы призрачный шанс на успех.

Кэндзяку с предвкушением смотрел на экран, где стремительно набирало силу проклятое чрево Гована.

Он и подумать не мог, что Хара так быстро обнаружит убежище монстра. Кэндзяку с ненавистью уставился на беловолосую фигуру на экране, но у него даже мысли не возникло вмешаться лично. Он не собирался идти на верную смерть.

К счастью, почувствовав исходящую от Хары смертельную угрозу, Гован вылупился раньше срока. Это не помешало ему впитывать негативную энергию, а стадия эволюции подарила ему абсолютную неуязвимость.

— Ха-ха-ха! — Кэндзяку торжествующе рассмеялся, глядя, как тщетны попытки братьев Годжо пробить защиту чудовища. — Замечательно! Мой замысел все еще может увенчаться успехом!

Сила Гована превзошла все его ожидания: он просто игнорировал удары, оставаясь недостижимым для сильнейших магов современности.

Кэндзяку не догадывался, что неуязвимость — лишь временный эффект, дарованный законами вселенной на время эволюции, и принял эту защиту за врожденную способность самого духа.

Однако то, что Гован полностью затих, оказавшись внутри странной территории Хары, вселело в Кэндзяку тревогу. Он до сих пор понятия не имел, как устроена техника старшего брата.

Более десяти лет назад, когда Харе было тринадцать, Кэндзяку совершил на него покушение, что и подтолкнуло подростка к Расширению территории. Он же стал и первой ее жертвой.

Однако даже испытав эту технику на себе, Кэндзяку не понял ее сути. Он лишь помнил внезапное чувство абсолютного одиночества, после чего неведомая сила стерла сперва плоть Каори Итадори, чьим телом он тогда владел, а затем уничтожила и его собственный мозг.

Не будь у него запасного плана на случай гибели, он бы так и остался гнить в небытии, даже не поняв, от чего умер.

Даже сейчас, благодаря трансляции Кэлина, Кэндзяку не мог разглядеть детали территории Хары. Экран показывал лишь искаженную зону, возникшую после ритуального жеста мага. Сама трансляция не справлялась с визуализацией этого пространства.

Ранее, когда Сатору активировал свою открытую «Необъятную пустоту», колоссальный поток информации едва не сжег процессор Кэлина, из-за чего трансляция прервалась и возобновилась лишь после снятия барьера.

Теперь же Кэлин продолжал передавать сигнал, пусть картинка и шла с жуткими помехами. Кэндзяку был рад и этому. По крайней мере, он мог понять, что Гован увяз в ловушке и не может выбраться.

Кэндзяку лихорадочно соображал, как спасти духа. Нужно было как минимум увести Сатору подальше. Каким бы сильным ни рос Гован, против двух сильнейших обладателей Шести глаз одновременно у него не было шансов.

Сукуна пал так быстро в основном из-за чудовищной мощи Сатору. Однако была и другая причина: присутствие Хары, стоявшего неподалеку, сковывало внимание Короля проклятий, вынуждая того постоянно оглядываться и лишая возможности выложиться на полную.

Сатору знал, что за его спиной стоит брат, а потому дрался без оглядки на смерть, демонстрируя запредельные результаты. Сукуне же приходилось непрерывно ждать удара в спину от Хары, так что показать даже базовый уровень сил в таких условиях было достижением.

Если даже Сукуна не справился с давлением братьев, то что говорить о Говане, который только появился на свет и не имел никакого боевого опыта?

Кэндзяку понимал, что должен помочь твари, но о том, чтобы явиться лично, не шло и речи. Покушение на тринадцатилетнего Хару и встреча в Сибуре с двадцатидвухлетним магом оставили слишком глубокие шрамы.

С тех пор он предпочитал отправлять на захват Тэнгэна ненадежного Ураумэ или самого Сукуну, но никогда не лез на рожон сам. С какой стати ему сейчас рисковать шкурой ради проклятого духа?

К счастью, у него был способ помочь Говану без прямого столкновения.

Он решил выпустить на волю всех проклятых духов, которых собирал и запечатывал на протяжении тысячи лет.

Миллионы, если не десятки миллионов тварей — Кэндзяку и сам сбился со счета.

Все эти века он копил их как батарейки для своего великого плана.

Когда Кэндзяку узнал, что в эту эпоху родился обладатель техники манипуляции проклятиями, он загорелся желанием заполучить тело Гэто Сугуру. С этой способностью он смог бы

подчинить себе всю эту многомиллионную орду, а не разбрасываться ценным ресурсом ради банального отвлечения внимания.

Кэндзяку тоскливо вздохнул. Как же сильно ему хотелось заполучить это тело!

Помимо монстров, он подумывал натравить на страну переродившихся древних шаманов, но все же надеялся, что Гован сможет одолеть Шесть глаз. Если это случится, у него появится шанс запустить «Смертельную миграцию», так что тратить ценные кадры прямо сейчас было глупо.

Эти древние чародеи, связанные с ним строгими обетами, хоть и оставались пешками, все же ценились выше обычных проклятых духов.

В итоге Кэндзяку ограничился лишь ордой монстров, призванной посеять хаос.

Появление миллионов тварей по всей стране застало Мир магов врасплох. К счастью, значки Агасы уже успели войти в обиход, что позволило оперативно передавать информацию. Реформированный Харой Мир магов среагировал молниеносно: магов оперативно распределили по ключевым точкам для зачистки городов.

Ярче всех проявил себя Гэто Сугуру — маг особого ранга, способный в одиночку заменить целую армию. Он становился сильнее с каждой минутой: огромная часть проклятых духов, выпущенных Кэндзяку, послушно переходила под его контроль.

Наблюдая за этим зрелищем сквозь экраны Кэлина, Кэндзяку едва ли не исходил слюной.

— Какое великолепное тело... — прошептал он. — О, как же я хочу его заполучить!

Гэто Сугуру, привычным движением временно притупив вкусовые рецепторы, проглотил очередную сферу проклятого духа и вдруг громко чихнул, едва не выплюнув шар обратно.

Он недоверчиво огляделся по сторонам.

— Неужели Сатору опять перемывает мне кости?

— Эй, Сугуру! Это ты тут перемываешь мне кости за спиной! — раздался позади него знакомый жизнерадостный голос.

Гэто обернулся и удивленно спросил:

— Ты как здесь оказался? Разве вы с Харой не должны караулить того монстра?

Сатору небрежным щелчком развеял пролетавшее мимо проклятие первого ранга.

— Пришел на выручку. Тут такой хаос творится, куда вы без меня?

Пока Хара оставался на часах, Сатору решил выкроить немного времени и помочь справиться с внезапной волной монстров.

<http://bllate.org/book/19549/2004402>